

В.В.Козлов, ЯрГУ

Приход человека в психологию всегда лично значим. В начале 70-х годов в СССР было всего три факультета психологии - в Москве, в Ленинграде и Ярославле. Выпускалось в год 75 профессиональных психологов и этого на огромную страну казалось достаточно.

К концу столетия ситуация кардинально изменилась - психологов выпускается в тысячу раз больше. Кто только их не выпускает!!! Не только те прославленные вузы - перечисленные выше и являющиеся родным домом многих современных классиков психологии, но сотни государственных вузов и тысячи частных. Я недавно был в г. Иркутске (чарующей красоты город с великолепной архитектурой) и с удивлением узнал, что 7 коммерческими и государственными образовательными структурами выпускается в год 265 (!) профессиональных психологов с высшим образованием. При таких темпах лет через двадцать основное трудоспособное население города будет состоять из психологов.

Не курьез ли это? Самое важное - чем вызвана эта ситуация. Можно было бы предположить, что профессия психолога социально престижна, как, например, профессия менеджера или юриста. Первая предполагает солидные заработки, вторая - власть. Но ни той, ни другой привлекательностью профессия, как показывает опыт, не обладает. Более того - уже на настоящий момент многие выпускники не могут трудоустроиться и работают продавцами в киосках, секретаршами, учителями и т.д. И это происходит не только в Иркутске - это является тенденцией во всех районах России и СНГ.

Почему люди идут в психологию? Почему сотни и тысячи платных курсов, семинаров, тренингов, проводимых психологами и околопсихологическими специалистами, все еще посещаемыми при тотальной нищете населения?

Причин, на наш взгляд, несколько:

- во-первых, общая дезориентация в целях, морально-этических нормах, жизненных, экзистенциальных и культурных ценностях в глобальных макросистемах и в обществе в целом привела к возникновению потребности выстроить эти структуры на индивидуально-психологическом уровне;

- во-вторых, с возникновением эгоцентрических, прагматических, индивидуалистических ценностей происходит тотальное отчуждение людей друг от друга и невозможность интимно-личностных отношений между людьми. Востребованная потребность в этих отношениях в российском обществе всегда была выражена. Более того - личность советского общества отличалась проявленным качеством искреннего сопереживания, взаимной поддержки и открытости, чувством коллективизма (как это ни удивительно кажется сегодня);

- в-третьих, духовная депривация, опустошенность, формирует необходимость внутри личности заполнять это пространство новым, личностно значимым содержанием через психологическое знание.

Сразу встают вопросы

- имеет ли современная постсоветская психология духовные измерения
- может ли психология дать те ценности, которые были сокрушены в процессе нескольких странных и безумных перестроек во всей стране.
- готова ли современная психология изменить свою парадигму и стать “наукой о душе”, отвечающей на психодуховные потребности человека,
- в состоянии ученый мир психологии сформировать эту парадигму на уровне учебников и образовательных технологий
- могут ли существующие образовательные системы готовить психолога новой парадигмы, который может помочь себе и другим в аспекте духовного наставничества.

Это новые проблемы совершенно нового времени. Еще 10 лет назад эти вопросы были абсурдны, т.к. существовали ответы на уровне общей идеологии советского государства. Ответы были вплетены в стиль жизни, в системы массовых коммуникаций, общей политики и государственной организации.

Хаос перестроек сокрушил коммунистический космос и обнажил безнадежную слабость советской психологии в ответах на самые насущные вопросы души (псюхе).

У современной русской психологии в это аспекте существует три возможности:

- перекрасить одежды старой психологии, обновив некоторые формы и препарировав совсем сгнившие части тела;
- усыновить (удочерить) какую-нибудь западную психологию в качестве духовного единокровника;
- родить свою психологию с душой и с духовностью.

Первый подход, на наш взгляд, является самым простым и доступным. В конце концов он не требует кадровой и мировоззренческой перестройки в материалистически ориентированной российской психологии. Тем более - нужно признать - внутри материалистически ориентированной психологии и вне ее сферы сформирована достаточно основательная духовная психология. Русская психология никогда, собственно, и не уходила от проблематики духовности. Основное - всегда эта

психология или воспринималась искусственной, т.к. была странная тенденция “прижить” ее к древу позитивизма или чуждой идее, когда она занималась истинно духовной проблематикой. Основная сложность заключается в том, что духовные ценности материалистического понимания идентифицированы с идеей коммунистического строительства и тоталитарным режимом. В этом смысле они находят широкую критику и обесценены. Советская психология духа была идеологизирована. Когда сокрушена идеология, это не могло не сказаться на ее проявлениях.

Второй подход проявляет современные тенденции русской психологии, особенно тех авторов, которые стремятся психотехнологизировать и практицизировать советскую психологию, которая отличалась теоретичностью, часто схоластичностью. Зарубежная психология предприняла активную интервенцию на бывшую ментальную территорию Советского Союза. Эта экспансия имела многообразие форм и методов.

Первый наплыв имел психотехнический характер. Именно в это время произошел основной наплыв групповых и индивидуальных методов работы с клиентами: психодрама, гештальт-терапия, транзактный анализ, райхианская терапия, биосинтез, ребефинг, психосинтез, рольфинг, первичный крик Янова и огромное количество других психотехник и целостных психотехнологий. Стоит отметить две особенности:

- они были максимально психотехничны и минимально теоретизированы в советском смысле;
- они имели авторский характер и мало репрезентировали смысловое поле и многообразие школ зарубежной практической психологии и психотерапии.

Это было интересное время. Импонировала психотехничность и простота языка этих лидеров. Наверное, зарубежных лидеров привлекала искренняя заинтересованность и ненасытность российской клиентуры. Особенно привлекали почти наивная доверчивость и открытость. Российские психологи и их клиенты готовы были платить щедро своей энергией, деньгами, помощью, любовью за умения и навыки, которые давала зарубежная психотехническая культура.

Вторая волна имела инструментальный характер. Появилось множество книг о том, как и что делать. При этом сохранялась тенденция к минимальному теоретизированию. На этом этапе также зарубежная психология попыталась организовать на российском рынке. Появилось множество сетевых и пирамидальных структур, постепенно опутывающих своими связями и региональными центрами научное и интеллектуальное пространство СНГ. Психоаналитическая ассоциация, система Рона Хаббарда, нелперская сеть, сеть позитивной психотерапии Хамида и Нострата Пезешкьянов и др. Именно организация сетей встретила в России достаточно сильное сопротивление, особенно жестко-структурированных и иерархически построенных в отношении власти-подчинения. Ярким примером является финансово-монархическая пирамида дианетики.

Третья волна имела в основном интеллектуальный характер. Начали издаваться в

большом количестве монографии известных лидеров практической психологии и психотерапии. Наступила эпоха толстых книг и специализаций. Наступило время проникновения в истинные корни глубинной, экзистенциальной, трансперсональной, гуманистической, психоаналитической психологии. При этом отметился разрыв между теоретическим осмыслением западных концепций и их практическим применением. С одной стороны - появились “знатоки - теоретики”, с другой - мастера психотехник. Одновременно с этим появился разрыв между семантическими полями клиентов и профессионалов, разрыв между толкованиями теоретиков направлений. При всех чудовищных усилиях в организации школ в западном понимании, организации сетевых структур, они в России не состоялись.

Что касается возможности рождения “психологии с душой”, то, на наш взгляд, эти роды должны и могут состояться как некий срединный путь между первым и вторым вариантом. Именно на стыке переосмысленной российской психологии и трансформированной через русский менталитет западной психологии может родиться новая психология, имеющей предметом душу человека, а не психические процессы, поведение, деятельность, установку или что-то другое.

На уровне синтеза двух направлений, вариантов, образовался интеллектуальный бульон, из которого, надеюсь, через некоторое время, выкристаллизуется новая психология.

Методологические сумерки, которые сгустились над российской психологией, не дают больших надежд и оптимизма в отношении быстрого и безболезненного рождения жизнеспособной, здоровой духовной психологии.

Человек не живет, а собирается жить завтра. Для человека важно не только то, где, как, с кем, в каких условиях он живет. Важнее перспектива. Важны базовые смыслы человеческого существования. **К ВЕЛИКОМУ СОЖАЛЕНИЮ ПСИХОЛОГИЯ БЕЗ ДУШИ НЕ МОЖЕТ ДАТЬ НА НИХ ОТВЕТИТЬ.**

Я искренне надеюсь, что Челябинская конференция явится осмысленным шагом в формировании новой парадигмы российской психологии.